

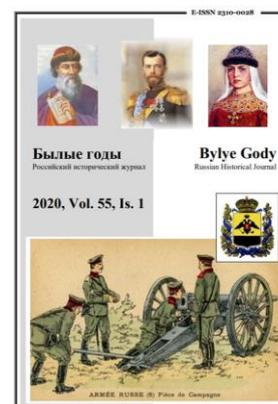
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 370-381. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.370
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Legal Status of a Kazakh Woman in the Family and Society in the XIXth – early XXth centuries from the Point of the Russian Contemporaries' View

Galya A. Alpyspaeva ^{a, *}, Gulmira Zhuman ^a, Lazzat T. Jumaliyeva ^a, Sholpan T. Abdykarimova ^a

^aSaken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Kazakhstan

Abstract

The problem of the legal status of the Kazakh woman in the family and society in the XIX – early XX centuries by the assessment of Russian researchers, whose scientific or professional activity was connected with the study of the Kazakh region is being considered in this article. The views of the authors on the question of women's rights in traditional Kazakh society are described by the method of comparative research. The information about the legal status of the Kazakh woman is more narrative in the works of the first half of XIX century (G.I. Spassky, A.I. Levshin, S.B. Bronevsky, N.R. Mamyshev). But we can get from the materials of the researchers the information about the legal status of women in the conditions of preservation of the traditional Kazakh society, when specific social institutions and rules of law existed in their traditional form. In contrast with it, the works of the authors of the latter half of the XIX and early XX centuries (A.K. Gaines, N.G. Mallitsky, N.I. Grodekov, N.M. Izrastsov and others) contain more systematic information and reflect changes in the legal status of women as a result of the Kazakh society reform. The essence and origin of such specific institutions of the Kazakh society as levirate, dower, and polygamy are described by the authors of the work. The features of the positional status of Kazakh women, which were correctly assessed by Russian contemporaries not in every instance, can be explained by the costs of the “European” view of the nomadic society of Kazakh people. Many social-legal institutions of the Kazakhs were formed in the pre-Islamic times and were due to economic reasons, the features of management and a nomadic way of life. The authors' theoretical justifications on the influence of Adat and Sharia law on the position of a Kazakh woman are quite objective, confirmed by field research materials and examples from bureaucratic practice. According to the authors' interpretation, the relatively free position of the Kazakh woman in comparison with the women of Central Asia was due to the regulations of the Adat law protecting the woman, as well as due to increasing Russian influence in the latter half of the XIX and early XX centuries. This was expressed in a gradual departure from Sharia law requirements in matters of family and marriage.

Keywords: nomadic society of Kazakh people, women's law, family and social relations, Russian researchers.

1. Введение

В XIX в. в русском обществе растет интерес к истории, этнографии и культуре народов, вошедших в состав Российской империи. Обусловлено это было практическими потребностями изучения присоединенных регионов; с вхождением земель казахских жузов в состав Российской империи начинается внедрение российской судебной и административной системы в крае. Для подобных преобразований требовались сведения о территориальных границах, численности и расселении казахских родов, а также знания о традициях, обычаях и быте инородцев. Лучшие представители русского чиновничества стремились не только к получению сведений, необходимых

* Corresponding author

E-mail addresses: galpyspaeva@mail.ru (G.A. Alpyspaeva)

для прагматических целей правительства, но и к научно-этнографическому изучению казахского общества. Вклад их в изучение этнографии и юридического права казахов не оценен по достоинству. В этом контексте обращение к данной тематике представляется актуальным.

Внимание исследователей к проблеме правового положения казахской женщины в обществе и семье в XIX в. обусловлено рядом причин. Во-первых, научный интерес вызывали специфические социальные институты в кочевом обществе казахов. Во-вторых, с началом процессов женской эмансипации в XIX в. женщины заявляют о своих материальных, общественных, политических правах. Этот процесс происходил практически во всех европейских странах. Россия не была исключением, где, по мнению зарубежных авторов, внимание к женскому вопросу и истории женского движения возрастает (De Maegd-Soep, 1978; Stites, 1978). В литературе, публицистике поднимаются и обсуждаются проблемы социальной, общественной и семейной роли женщины, вопросы женского образования. На страницах популярных журналов «Отечественные записки», «Современник» авторы размышляли о человеческом достоинстве женщины, ее праве участвовать в общественной жизни.

2. Обсуждение

Отдельные аспекты правового положения женщины в казахском традиционном обществе, связанные с сохранением в быту пережиточных форм брака и специфических социальных институтов, таких как аменгерство и калым, рассматривались Х.А. Аргынбаевым (Аргынбаев, 1978: 94–105). Можно согласиться с утверждением ученого, что сохранение патриархальных отношений и господством норм адата и шариата обусловили превосходство мужчины над женщиной в обществе и семье, лишали женщину имущественных прав. Вместе с тем, нельзя не отметить точку зрения Р.М. Мустафиной, согласно которой женщины-казашки в сравнении с женщинами других среднеазиатских народов обладали большей свободой; они не закрывали своих лиц и не вели затворническую жизнь, допускались в мужское общество. Образованные женщины, как правило, из состоятельных семей, пользовались уважением и авторитетом, участвовали в обсуждении важных общественных вопросов. В бедных семьях женщины трудились наравне с мужчиной, что также вызывало к ним уважение (Мустафина, 2002: 176).

О. Брусина изучает влияние норм адата и шариата на положение женщины во второй половине XIX в. в условиях трансформации казахской традиционной системы судопроизводства и интеграции ее в общероссийскую систему. По убеждению автора, несмотря на то, что прямого сближения традиционной системы судопроизводства казахов с общероссийским законодательством не происходило, тем не менее, в казахском обществе наметился постепенный отход от некоторых положений адата и шариата, связанных с игнорированием мнения женщины в вопросах брака и развода. В обществе в целом и в сознании женщин в частности расширялись представления о женских правах и свободах (Брусина, 2012). Близкую по тематике проблему «женского вопроса» в традиционном казахском обществе поднимает К.С. Бижигитова. На основе анализа архивных документов автор приходит к выводу, что в процессе реформирования казахского общества во второй половине XIX – начале XX в. менялись представления о месте и роли женщин в обществе. Трансформация взглядов не могла не отразиться на росте активности казахских женщин, пробуждала их стремление защитить свои «женские» права путем подачи прошений и жалоб в русскую колониальную администрацию (Бижигитова, 2017: 177).

3. Материалы и методы

В качестве источников использовались работы русских исследователей XIX – начала XX вв., в которых нашли освещение вопросы общественного и семейно-бытового положения казахской женщины. Значительная часть трудов и заметок по этнографии казахов была написана не профессиональными учеными или этнографами, а военными и чиновниками, которые служили на окраинах империи. По долгу службы, а нередко и из личного интереса к истории и культуре туземных народов, изучая казахское общество, чиновники вели наблюдения, в результате чего ими были созданы очерки, заметки и фундаментальные труды о казахах.

По характеру и содержанию работы разделены на две группы. Первую группу составляют работы исследователей первой половины XIX в.: А.И. Левшина, Г.И. Спасского, С.Б. Броневского, Н.Р. Мамышева и др. Начальник Камско-Боткинских и Горноблагодатских заводов Н.Р. Мамышев в 1809 г. написал несколько очерков о культуре казахов, опубликованных в журнале «Вестник Европы» (Мамышев, 1809: 168–170). В основу очерков положены материалы, собранные им в ходе посещения казахских аулов. Генерал-майор С.Б. Броневский около двадцати лет, с 1808 по 1827 гг., служил в Области сибирских киргизов (Средний жуз – авт.) в должности Омского областного начальника, а в последующие десять лет был начальником штаба Отдельного Сибирского корпуса в Тобольске. Все эти годы он занимался делами казахской степи, непосредственно наблюдая жизнь казахов. В записках о казахах автор отмечал различия в статусе казахской женщины до и после вступления в брак (Броневский, 1830).

Горный инженер Г.И. Спасский в начале XIX в. собирал сведения о родоплеменных подразделениях казахских жузов. Свои описания и заметки о народах Сибири и Казахской степи он публиковал в журнале «Сибирский вестник», выходившем с 1818 г. в Петербурге (Спасский, 1818). С 1825 по 1827 гг. журнал выходил как «Азиатский вестник». В очерке «Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды», наиболее крупном специальном исследовании по истории и этнографии казахов, он описал быт, обычаи и обряды казахов, которые были результатом его собственных наблюдений. Ученый и государственный деятель А.И. Левшин, один из немногих русских исследователей первой половины XIX в., который не только составил подробное описание быта и культуры казахов, обратив внимание на специфические социальные институты казахского общества, но и предпринял попытки дать им научное объяснение (Левшин, 1832).

Вторую группу источников составляют работы авторов второй половины XIX – начала XX вв.: А.К. Гейнса, Н.Г. Маллицкого, Н.М. Израсцова, Н.И. Гродекова, В.П. Наливкина, М. Михайлова, Н. Малышева, М.А. Мироппиева и других. Генерал-майор А.К. Гейнс, известный как «лучший знаток киргизских степей» и автор проектов по обустройству Туркестанского края, собрал содержательный материал о казахах историко-культурологического и бытового характера. Подробные сведения о правовом положении казахской женщины содержатся в работах Н.И. Гродекова и Н.М. Израсцова. Автор работы «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области», первый том которой был издан в Ташкенте в 1889 г., генерал Н.И. Гродеков в период с 1883 по 1887 гг. служил военным губернатором и командующим войсками Сыр-Дарьинской области, а позже, в 1906–1908 гг., генерал-губернатором Туркестанского края (Гродеков, 1889). Его труд стал результатом глубокого изучения этнографии и юридического права казахов. Для полноты собираемых полевых сведений он использовал специальное руководство по изучению положений адата, организовывал экспедиции в казахские аулы, привлекал к сбору материала этнографов и знатоков края. Некоторые из них, к примеру ученый-этнограф В.П. Наливкин, проживали непосредственно в инородческой среде, изучая проблему изнутри (Лукашова, 1999: 39). Н.М. Израсцов в чине капитана служил старшим помощником начальника Копальского уезда Семиреченской области. Его записки о правах и законах казахов были собраны и написаны в связи с попыткой администрации Туркестанского края осуществить сбор материалов и кодификацию норм обычного права населявших территорию края кочевников – казахов, киргизов и каракалпаков (Степные обычаи и законы, 2011: 161–266).

История этнографического изучения казахов второй половины XIX – начала XX вв. освещалась на страницах периодического издания «Туркестанские ведомости». В издании регулярно печатались статьи о правовом статусе казахской женщины в обществе и в системе семейно-бытовых отношений, что свидетельствует об устойчивом интересе к женскому вопросу. Немалая заслуга в этом принадлежала редактору газеты Н.Г. Маллицкому, известному русскому историку-туркестановеду, этнографу, географу. Благодаря своим научным интересам он практически превратил ее в центральный краеведческий печатный орган по истории, культуре и этнографии народов Южного Казахстана и Средней Азии. Заниматься изучением этнографии казахов Н.Г. Маллицкий начал еще в молодости, когда учился в Оренбургской гимназии и имел возможность работать с коллекциями материалов о казахской степи, собранными экспедициями А.И. Бутакова и Г.С. Карелина. Позже, став членом Российского Географического общества, он проводил научные исследования края не только на основе уже имеющихся материалов, но и по первоисточнику, путем непосредственного изучения Средней Азии и Казахстана.

Сопоставительный анализ взглядов русских авторов на проблему «женского вопроса» в казахском обществе основывается на принципах историзма и объективности, в соответствии с конкретно-исторической ситуацией. Применение историко-системного и сравнительно-исторического методов работы с источниками и материалами позволяет проследить и обосновать различия во взглядах и оценках русских исследователей специфических социальных и правовых институтов казахов.

4. Результаты

Описывая семейно-бытовое положение казахской женщины, практически все авторы отмечали наличие в казахском обществе женской возрастной стратификации: девочка, девушка, жена, бабушка. Внешним проявлением этой стратификации были различия в элементах одежды, женских головных уборах. По свидетельству С.Б. Броневского казахи придавали большое значение прическам и головным уборам девушек (до замужества), молодых женщин (в статусе "келин" – молодая жена), женщин среднего и пожилого возраста (в статусе "байбиче" – старшая жена) (Броневский, 1830: 214). Женщины заплетали две косы, носили амулеты в кожаных или серебряных футлярчиках среднеазиатской работы, а также кольца, серьги и браслеты из серебра (Маллицкий, 2011: 313). В отличие от женщин незамужние девушки ходили с непокрытой головой и уделяли значительное внимание прическе, заплетая длинные волосы в косички. Они украшали волосы подвесками в виде кистей из черных крученых шелковых тканей, привязанных к тонким серебряным трубочкам (Броневский, 1830: 212).

Семейно-бытовое положение женщин разных возрастных групп было неодинаковым и менялось со сменой статуса. Казахская женщина переживала в своей жизни несколько отличных социальных статусов. Исследователи отмечали особенное и бережное отношение у казахов к девочке-дочери в семье. Это проявлялось в том, что дочь не должна сидеть у порога домашнего очага, ее место в родительском доме казахи называли «тор», что означало «почетное место». И не только дома, но и «...в гостях девушек сажали на почетное место туда, где сидели почтенные гости и старики» (Маллицкий, 2011: 302). В семье и обществе порицалось применение физических наказаний к девочкам. Об этом красноречиво говорит бытовавшая у казахов пословица: «Акеси урган ул онар, шешеси урган кыз онбас – Сын битый отцом станет годным, дочь битая матерью станет негодной».

Девочки с раннего возраста неотлучно находились при матери, им она отдавала большую часть своего времени. Мать приучала девочку выполнять женские обязанности: приносить топливо и воду, готовить пищу, убирать юрту, прясть, шить. Девочке поручались только легкие домашние работы, чтобы не нанести вред здоровью будущей маме (Женщина в кочевом быту, 1889: 33, 128). В богатых семьях девочки были освобождены от домашнего труда. Особую любовь к дочери в родной семье авторы объясняли так: «И чем старше становится девочка, тем горячее выражается материнская любовь, предчувствуя близкую, неизбежную разлуку: девочке уже 10 лет; она давно уже, еще с пеленок, просватана; еще год-два и ее, почти ребенка, увезут в дальний аул, в чужой род, иногда к мужу-старика, имеющему уже двух-трех жен...» (Женщина в кочевом быту, 1889: 33, 128).

До замужества девушки-казашки пользовались значительной свободой, как в семье, так и в обществе. В записках С.Б. Броневского имеются сведения об отсутствии строгих запретов на общение казахских девушек со сверстниками противоположного пола (Броневский, 1830: 98). Г.И. Спасский подчеркивал, что этика общественной жизни казахов не допускала свободного общения девушек с юношами, но «в вечернее время, особенно в дни празднеств по случаю благополучного прибытия на место новой кочевки, совместные игры и развлечения аульной молодежи не встречали отпора даже со стороны самых строгих родителей» (Спасский, 1818: 244). Об этом же писал Н. Р. Мамышев в своем очерке «Пристрастие сибиряков к конским скачкам», отмечая, что у казахов «...при летних перекочевках девушки нередко занимаются скачками на конях, соревнуясь с молодыми и холостыми мужчинами» (Мамышев, 1809: 169).

Более того, Маллицкий Н.Г. описывал свободные игры казахской молодежи («кыз уйна» или «кыз уйнагы»), в которых молодой джигит мог догнать девушку, обнять ее и даже ощупать грудь. Девушкам разрешалось бить настойчивых ухаживателей палкой или нагайкой. За нанесение увечий парню девушка не несла правовой ответственности. Маллицкий приводит даже казахскую поговорку на этот счет: «За умершего от (руки) девицы хун (цена) не платится» (Маллицкий, 2011: 302). Смысл таких игр, по мнению исследователя, заключался в половом отборе, когда в процессе игры девушка могла оценить силу, ловкость и физические способности молодого человека из другого рода, как потенциального жениха. Игры, вечеринки и состязания с импровизацией шуточных и насмешливых песен между девушками и парнями проводились обычно под наблюдением пожилых женщин. Поэтому «девушки, при всей вольности обращения с мужчинами, сохраняют строгое постоянство и редко случается, чтобы они нарушили целомудрие до супружества» (Гейнс, 1897: 85).

Исследователи отмечали, что у казахов совершеннолетие начиналось с 15 лет. Н.М. Израсцов отмечал, что «...моложе 15 лет мужчина и женщина не вступают в брак, этого не позволяет и обычай» (Израсцов, 2011: 205). Вступать в брак девушки и парни могли и до совершеннолетия, но не ранее 13 лет. Малышев Н. свидетельствовал, что «Положением 1868 года запрещено вступать в брак ранее 16 лет, но закон этот действителен только на бумаге, а не на деле, и не в жизни» (Малышев, 1902: 38). Противоречивые данные вполне объяснимы; Н.И. Гродеков писал, что «юридические обычаи киргизов разных орд и местностей, далеко отстоящих одна от другой, значительно разнятся между собою» (Гродеков, 1889: введение).

Положение женщины и отношение к ней в семье кардинально менялось, как только она выходила замуж и оказывалась в семье мужа; казахская женщина становилась бесправной и покорной женой. У казахов бытовала пословица, хороша демонстрирующая изменение положения женщины в семье со сменой статуса: «В девицах – что красное пламя; ставши женою – лишена цены» (Гродеков, 1889: 294).

Со сменой статуса женщины менялась и ее поведенческая модель в семье. Молодые женщины в статусе невестки («келин») наиболее открыто подвергались унижению, находились в подчинении не только у мужа, но и у всех его родственников. Их место и поведение в семье строго регламентировались множественными правилами, ограничениями и запретами. Н.Г. Маллицкий, характеризуя положение молодой жены в семье мужа, приводит такие запреты. Женщина не могла произносить вслух имени своего мужа и его ближайших родственников-мужчин. Она называла их нарицательными именами, например, свекр (ата), господин (мирза) (Гродеков, 1889: 100). Этот обычай существовал у всех казахов, в том числе и оседлых, в старину это табу соблюдалось строго. Бывали даже случаи умерщвления молодой женщины за непочтительность, выражающуюся в произнесении имени свекра. Ссылаясь на статью в журнале «Туркестанские ведомости» за 1902 г., Н.Г. Маллицкий приводит подобный случай (Маллицкий, 2011: 306). Не принято было также, чтобы

женщина пересекала мужчине дорогу, а при встрече со старшими она слегка приседала и наклоняла голову. Подавая что-либо старшему по возрасту, женщина преклоняло одно колено, выражая покорность. «Мужчина чувствовал себя полновластным господином своей жены – рабы. В то же самое время она должна быть рабой и свекрови, и старшим женам, если таковые есть, в чем именно и заключается разгадка тех драм, которые иногда бывают в степи» (*Женщина в кочевом быту, 1889: 34*).

По сообщениям исследователей многодетные женщины у казахов заслуживали более ласкового обращения, чем бездетные. Израсцов Н.М. писал: «От женщины киргиз требует работы и потомства: этот факт, не подлежащий сомнению, весь строй жизни подтверждает его. Раз же это так, то понятно, что при общем убеждении в бесплодности родственных браков явилось и обыкновение избегать их» (*Степные обычаи и законы, 2011: 203*). Для казахов жизненно важным было рождение здорового потомства, а потому браки между лицами ближе восьмой степени родства воспрещались обычаями. Относительно браков в первых семи степенях родства казахи говорили: «Это невозможно, это запрещено законом, от такого брака не будет детей» (*ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 4236. Л. 62*). Н.М. Израсцов, изучавший положение женщины в быту методом включенного наблюдения, приводит такой пример из своей практики: «Помню хорошо, едва киргизка Беис, средних лет, некрасивая, была разведена с мужем за жестокое обращение, как явились три претендента на ее руку. На мой вопрос, что их прельщает, все, как бы сговорившись, ответили: она в состоянии родить, а от наших жен нет детей, ну и калыма меньше» (*Степные обычаи и законы, 2011: 203*).

Основная роль женщины в казахском обществе в XIX в., как в любом другом, заключалась в материнстве и воспитании детей. Воспитанием детей занимались только женщины. По наблюдениям исследователей, в казахском обществе «женщина обезличена в большинстве случаев, но она вовсе не так завалена работой, как обыкновенно привыкли думать на основании поверхностных наблюдений, и несравненно больше, чем русская крестьянка, имеет досуга наблюдать за детьми, наставлять их... В отличие от русских семей, случаи жестокого обращения родителей со своими детьми у казахов очень редки... Нужно отдать справедливость киргизской педагогике. Шаг за шагом, путем кротких внушений мать воспитывает детей, а недостаток терпения замечен у русских крестьянок» - отмечали современники (*Женщина в кочевом быту, 1889: 33*).

Русские авторы отмечали относительно свободное положение женщины-казашки в обществе и быту в сравнении с женщинами среднеазиатских обществ. А.К. Гейнс в пользу этого аргумента писал следующее: «Киргизская женщина играет большую роль не только как полная хозяйка, но и член общества. На сходках киргизов женщины подают голос наравне с мужчинами, в особенности по вопросам, касающимся общественных нужд. Иногда даже мнение женщины имеет некоторое преимущество над мнением мужчин» (*Гейнс, 1897: 85*). Женщины-казашки не уклонялись от сообщества мужчин, как это было принято у других мусульманских народов. «Хвалить красавиц считается у киргиз поступком благопристойным; красавицы же, заслужившие общую похвалу, нередко прославляются в степях» (*Гейнс, 1897: 85*).

О свободном положении казахской женщины писал русский миссионер М.А. Миропиев: «Киргизскую женщину скорее можно упрекнуть в излишней вольности, а в некоторых случаях даже и в циничности, чем в недостатке свободы» (*Миропиев, 1901: 377*). Автор предлагал использовать общественное влияние женщины в интересах политики русификации и христианизации казахов, полагая, что «разумно поставленное воспитание ее в русско-православном духе создаст из нее прекрасную нашу союзницу» (*Алпыспаева и др., 2019: 660*).

Объективным свидетельством в пользу относительно свободного положения казахской женщины называлось отсутствие запретов на открытое лицо. Гродеков Н.И. объяснял это обстоятельство особенностями условий и образа жизни в казахской степи: «Доводы, по которым киргизы полагают возможным отступить от шариата в вопросе о закрытии лица женщинами и не считают грехом видеть лицо её, суть следующая: 1) киргизка, приобретаясь в замужество за деньги, равняется рабыне; 2) она не легко обольщается посторонними, так как живет в степи и работает около мужа, навьючивая верблюдов, доя скот и нянчит детей» (*Гродеков, 1889: 23*).

Более свободное положение женщины в обществе и отсутствие запретов на открытое лицо исследователи объясняли сохранением и преобладанием в повседневной жизни казахов норм обычного права – адата. Именно нормы адата обеспечивали правовую защиту женщин. В соответствии с ними за изнасилование женщины, прелюбодеяние, похищение девушки преступник мог быть приговорен к телесным и позорящим человека наказаниям, а иногда и к смертной казни, которая нередко заменялась уплатой «куна» или «аипа» (материальное возмещение ущерба). Подтверждение тому дает Н.И. Гродеков: «Народный суд, при заявлении женщины об её изнасиловании, основываясь только на одном таком заявлении, приговаривает с оговоренного или обвиняемого женщиною лица материальное вознаграждение обвинительнице» (*Гродеков, 1889: 94*).

Между тем, защита адатом женщин вовсе не означала равноправного положения их с мужчинами, о чем сообщают источники: «А так как, по исконному понятию, женщина, по существу своему, признается ниже мужчины, то и за искалечение ее, перелом руки, ослепление глаза и т.п. муж платит половину того штрафа, который назначается в случае, если бы потерпевший был мужчина. За убийство жены также уплачивается ее родным пол куна» (*Женщина в кочевом быту, 1889: 34*).

Более того, возмещение выплачивалось в том случае, если «родственники жены выступают в защиту потерпевшей, в пользу которых присуждаются и все штрафы ее буйного мужа» ([Женщина в кочевом быту, 1889: 34](#)).

Если жестокое обращение мужа с женою не одобрялось обычаями и наказывалось в соответствии с нормами адата, то нанесение женщине легких побоев не запрещалось и даже считалось уместным, в силу чего у казахов сложилась поговорка: «Когда твоя жена дура, то пусть твоя нагайка будет толста» ([Гродеков, 1889: 294](#)). За нанесение жене легкой раны в голову, шрама или других увечий мужчина не подлежал судимости ([Женщина в кочевом быту, 1889: 33](#)).

Преобладавшее среди исследователей убеждение о тяжелом семейно-бытовом положении женщин-казашек, особенно в южном регионе, обусловлено было сохранением в обществе специфических социальных институтов, таких как калым, ранние браки, многоженство, аменгерство, разводы по шариату. Изучая культуру и быт коренного населения, авторы пытались понять причины их появления.

Весьма спорным и неоднозначным в оценке исследователей предстает бытовавший в XIX в. у казахов институт калымства. Исследователь Н. Малышев по этому поводу писал: «Печальная участь киргизской женщины начинается с того момента, когда она появляется на свет Божий невинным существом. Если у киргиз родятся дочери, то это значит, что у них появляется в руках живой товар, который нужно прибыльно сбыть. "Слава Богу и у нас есть красная шерсть", говорят киргизы при рождении девочек. Женщина составляет предмет купли-продажи» ([Малышев, 1902: 13](#)). Средний размер калыма составлял 20-30 голов крупного скота, а в богатых семьях – 50-100 голов. Минимальный калым определялся в размере 10-15 голов, дешевле жену казах не найдет. Допускалась замена крупного рогатого скота соответственным количеством мелкого, или даже деньгами, как правило, по согласию двух сторон. Также жених устраивал той и подарки родне невесты. Но в жизни «случается похищение невесты, в то время, как за нее выплачивает калым другое лицо. В этом случае, похититель должен выплатить калым и передать родителям невесты штраф 100 руб. и хорошую лошадь» ([Материалы по киргизскому землепользованию, 1915: 17](#)).

Институт калымства, по мнению русских авторов, породил отношение к женщине как к источнику материальных благ, как для родной семьи, так и семьи жениха. В родной семье преобладание женщин обычно укрепляло благосостояние в силу того, что на женщине лежал целый ряд работ по домоводству, скотоводству и по разным подсобным промыслам (изготовление кошм, ковров, пошив одежды). Помимо этого, дочь служила для семьи источником дохода, получаемого в виде калыма. «Встречаются семьи, которые известный период времени (несколько лет) живут исключительно на выплачиваемый им от жениха калым, который вносится обыкновенно в рассрочку, начиная с первого года жизни девочки» ([Материалы по киргизскому землепользованию, 1915: 21](#)). Старинная народная поговорка казахов гласила: «Сарт разбогатеет – дом кладет, казах разбогатеет – жену берет». Глубинный смысл ее заключался в том, что в традиционном кочевом обществе самостоятельное хозяйство, как экономическая единица общества, формировалось благодаря женщине. Родители считали своим долгом женить сыновей, а затем наделяли их имуществом, отправляя в самостоятельную жизнь.

Роль и значение казахской женщины в системе хозяйственных связей была высока, поскольку в условиях кочевого и полукочевого быта, преобладания натуральной экономики ведение домашнего хозяйства было не простой задачей. Практически всю работу по содержанию в порядке жилища, уходу за скотом, обработке продовольственного скотоводческого сырья и заготовке пищи осуществляла женщина. Объем домашней работы увеличивался в периоды сезонных перекочевок, когда на плечи женщины ложились обязанности ставить и разбирать юрты, обустроить жилище. В обязанности женщины в период сезонных хозяйственных работ входила стрижка овец и обработка шерсти, заготовка топлива. Кроме всего, были еще ежедневные работы по домашнему хозяйству: дойка скота, приготовление пищи, воспитание детей. Практически весь кочевой быт лежал на плечах женщины. Вполне уместно еще раз процитировать слова Н.М. Израсцова о том, что «от женщины киргиз требует работы и потомства: этот факт, не подлежащий сомнению, весь строй жизни подтверждает его» ([Степные обычаи и законы, 2011: 203](#)).

Между тем, исследователей не удивляло такое положение женщины у казахов. Считалось, что оно мало чем отличалось от положения русской женщины, поскольку «и в русском быту есть много таких домашних работ, возложенных исключительно на женщину, о которых киргизкам и не снилось, например, жнитво, ворошение сена. Стоит также припомнить, что в центральных губерниях России есть местности, где все земледельческое хозяйство лежит на руках баб; за выбытием всех мужчин на заработки в промышленные города. И если сопоставить быт русской женщины с бытом киргизки, муж которой занимается земледелием, то увидим, что первой достается больше труда, чем второй. Киргиз заставит жену седлать себе лошадь, но не допустит ее к плугу, считая ее неспособной к такой тяжелой работе ([Женщина в кочевом быту, 1889: 33](#)). По наблюдениям авторов в казахском обществе «женщина обезличена в большинстве случаев, но она вовсе не так завалена работой, как обыкновенно привыкли думать на основании поверхностных наблюдений, и несравненно больше,

чем русская крестьянка, имеет досуга наблюдать за детьми, наставлять их» ([Женщина в кочевом быту, 1889: 34](#)).

Малицкий Н.Г. связывал приниженное положение женщины-казашки с влиянием ислама, а потому писал, что «на быте казахских женщин еще не успело отразиться принижающее влияние мусульманства, и положение ее было значительно лучше, чему других народов, исповедующих ислам» ([Малицкий, 436: 307](#)). Он был убежден, что относительно свободное положение женщины выгодно отличало быт казахской женщины от быта женщин оседлого населения Средней Азии. Даже в статусе жены казахская женщина могла завоевать себе почетное уважение в новой семье своей хозяйственной деятельностью. Как хозяйка (бай-бише), женщина фактически заведовала скотом, кормила, поила и обшивала домочадцев, а также приготавливала изделия для продажи. Она никогда не оставалась без работы на пользу семьи, и ее голос постепенно становился в семейном совете все более и более влиятельным, а насмешливое, едкое, свободное остроумие являлось для женщины сильным оружием защиты и нападения. «Ударить женщину и стыдно, и опасно (так как сейчас же могло возникнуть дело о выкидыше, с предъявлением соответственного иска), и женщина умела пользоваться своей неприкосновенностью. Женщина-хозяйка свободно ездила по степи, принимала участие в приеме гостей, угощала их кумысом, иногда даже вступала в беседу» ([Малицкий, 2011: 307](#)).

Еще один социальный институт традиционного казахского общества, вызывавший споры и разные мнения, был институт многоженства. «Жены у киргизов, равно как и у большей части восточных народов, составляют собственность, подобную товару, ибо они покупаются и вымениваются на вещи и число их соответствует достатку мужей» – писал Г.С. Спасский ([Спасский, 1818: 244](#)). По убеждению исследователей, институт многоженства был привнесен исламом и доступен был только богатым казахам, имевшим возможность заплатить калым за очередную жену ([Малицкий, 2011: 307](#)). Иметь семь и более жен, а также еще и любовниц могли только зажиточные казахи «по причине дороговизны жен, возрастающей как бы прогрессиею, так, что вторая жена стоит гораздо дороже первой, третья – второй, и так далее, редкие имеют более одной жены» ([Спасский, 1818: 244](#)).

Кроме того, институт многоженства совсем не означал потерю кормильца предыдущей женой, которой супруг нашел замену. Муж-многоженец обязан был позаботиться о каждой жене и детях от нее. Спасский писал, что «каждая из жен живет в особой юрте, а некоторые совсем в других аулах. Первая, или старшая жена почитается настоящею хозяйкою и матерью семейства, которой повинуются все прочие жены» ([Спасский, 1818: 97](#)).

Богатые казахи при всякой новой женитьбе отделяли жен, наделяя их имуществом и скотом. Размеры имущества не были конкретно установлены и определялись самим мужем. Но, как правило, первой жене выделялось больше, чем последующим. Израсцов Н.М. приводит такие примеры: «У султана Найманхана Камбарова три жены. Первой жене («байбиче») Джангумыс дано 60 лошадей, 200 баранов, 6 верблюдов, одна корова, юрта и имущества разного на сумму до 5000 руб. Второй ("уреанчи") – Зияне дано 20 лошадей, 150 баранов, 3 верблюда юрта и имущество на 500 руб. Третьей жене ("токал") – Залихе дано 10 лошадей, 100 баранов, 2 верблюда, юрта и имущество на 200 руб. Богатый казах Труспек Маманов дал женам, кроме юрт и имущества, первой – 60 лошадей, 300 баранов, 6 верблюдов и 10 коров; второй – 50 лошадей, 250 баранов, 5 верблюдов и 9 коров» ([Степные обычаи и законы, 2011: 201](#)).

Выделенная жена не являлась собственником полученного надела, он переходил в наследство ее сыновьям. Если у отделившейся жены были дочери, то калым за них поступал в этот же надел. Из него же выделялось и приданое для дочери. Сама жена практически ничего не имела, она пользовалась имуществом лишь как мать будущих или уже имеющих сыновей. В случае, если у нее не было сыновей, имущество переходило сыновьям других жен, либо родственникам мужа. Характер имущественных отношений между мужем и женой, или женами, хорошо отражает пословица казахов: «Женщина владеет только собой и за себя одну отвечает» ([Степные обычаи и законы, 2011: 199](#)). Она в полной мере подтверждает отсутствие всяких имущественных прав женщины. Но далеко не каждый казах-кочевник мог обеспечить очередную жену отдельной юртой и всем необходимым. Для большинства мужчин был недоступен даже новый брак после смерти жены. Об этом красноречиво говорит казахская пословица, которую приводит Н.И. Гродеков: «У богача жена умрет – постель обновится; а у бедняка жена умрет – голова вскружится» ([Гродеков, 1889: 295](#)).

Сохранение института многоженства сами казахи объясняли следующими причинами: женитьба не по собственному выбору молодых, а по выбору своих родителей, в результате чего между супругами появляется охлаждение и расстройство. Вторая причина, по которой могли развестись и создать новую семью, заключалась в отсутствии наследников ([Мальшев, 1902: 44](#)). Между тем, Н.Г. Малицкий относил возникновение института многоженства у казахов еще к доисламской эпохе. Он писал: «Институт многобрачия у казахов – от захвата пленниц во время войны. Во всяком случае, хозяйкой (бай-бише) всегда являлась старшая жена, положение младших жен было приниженное: они не могли входить в юрту старшей жены без ее позволения и скромно садились у входа. Звали их "токал-катын", (т.е. комолая). А дети их раньше носили презрительную кличку "кул", что в переводе на русский язык означало "раб" и указывало на истинное происхождение» ([Малицкий, 2011: 307-308](#)).

Весьма спорным в плане оценки со стороны русских авторов был социальный институт аменгерства, бытовавший у казахов с древности. Он вызывал интерес, осуждение и неоднозначную оценку у русских исследователей. Возникший в среде кочевников еще до появления ислама, он предполагал соблюдение обычаев и прав левирата и сорората. По левиратному праву казахская вдова должна была выйти замуж за брата своего умершего мужа или за его ближайшего родственника. Обычай сорората обязывал вдовца жениться на сестре умершей жены.

О существовании этого социального института сообщали многие авторы. Г.И. Спасский, подробно описывая свадебные обряды казахов, подчеркивал, что «в случае смерти мужа жена по наследству переходила к кому-либо из родственников мужа» (Спасский, 1818: 97). Из рабского положения женщину не освобождало даже вдовство. Она после смерти мужа становилась собственностью родственников мужа, и власть его над ней переходила к ним. «Вдова женщина, приобретенная за известное количество калыма, составляет принадлежность семьи и рода, вне которого она не имеет никакого положения» (Мальшев, 1902: 18). В подтверждение существования у казахов левиратного права Гродеков Н.И. приводит такую казахскую пословицу: «Если умрет брат, то сноха – наследство; если сдохнет лошадь, то шкура – наследство» (Гродеков, 1889: 298).

Обычай был распространен не только среди казахов, но и среди некоторой части населения Средней Азии. Об этом писал М. Михайлов в своих публикациях, посвященных работе суда казиев на юге Казахстана: «На юге имел хождение термин "джесыр". Слово "джесыр" значит невеста, но среди узбекского населения под этим названием подразумевают вдову, которая обязана непременно выйти замуж за брата своего умершего мужа, или, если брата нет, то за ближнего мужу родственника. Обычай этот позаимствован узбеками от киргиз, у которых он в полном ходу» (Михайлов, 1881: 73). Однако среди же сартов, например в Ташкенте, этим обычаем почти не пользуются, и вдова свободно может выходить замуж за кого ей вздумается.

Михайлов М. осуждал этот обычай, считал его пережитком прошлого и необходимым покончить с ним. «Нечего и говорить, что право джисыра, право получать женщину даже в наследство – составляет верх гнета и безобразия. Читатели согласятся с нами, что уничтожить джисыр, по крайней мере, среди оседлого населения и узбеков, освободить женщину хотя после смерти ее мужа и при жизни которого она достаточно натерпелась – дело необходимое» (Михайлов, 1881: 74). Он был убежден, что этот обычай ставит женщину в безвыходное положение, поскольку дела о разводе в конце XIX в. решались в народных судах (суд казиев, суд биев), которые судили по шариату. «Полагаем, что в этом случае и церемониться нечего; прямо следует запретить такие браки, а не передавать споры о джисыре в народный суд, как это делают иные из уездных начальников. По приговору народного суда, конечно, вдове придется либо откупиться, либо начать сожительство с братом умершего мужа» (Михайлов, 1881: 74).

Интересна точка зрения А.И. Левшина, который считал, что этот обычай имеет под собой экономическую основу. Возникновение института аменгерства ученый рассматривал как экономическую меру против дробления хозяйств и сохранения в хозяйстве рабочей силы, что является свидетельством его экономического происхождения. Левшин А.И. писал: «После смерти мужа старший брат его или родственник вступает в управление домом» (Левшин, 1832: 105). Автор отмечал, что обычай сохранился с глубокой древности, но в XIX в. он соблюдался уже не всегда.

Все исследователи признавали, что у казахов в XIX в. брак представлял весьма сложный институт, в котором первобытные патриархальные формы смешались с более поздними, образовавшимися под влиянием Корана. «Не бесследно также прошло и русское влияние, выразившись введением в брачные и семейные отношения новых принципов, противоположных киргизским воззрениям и значительно смягчившим долю женщины. Что же касается первобытных форм, то из них еще держатся обряды, наиболее же грубые выводятся, или приняли менее жесткую форму» (Женщина в кочевом быту, 1889: 33, 129).

В чем же выразилось русское влияние, о котором писал неизвестный автор, и чем оно было обусловлено? Ответ на этот вопрос мы находим в работах О. Брусиной, по мнению которой важным результатом российских нововведений стал рост числа женских исков по разводам и левиратным бракам, когда женщины-казашки получили возможность противостоять безграничной власти мужей. Такая возможность появилась вследствие реформирования во второй половине XIX в. местного самоуправления и судопроизводства в Казахском крае. Чтобы обеспечить в регионе порядок и стабильность, основанные на соблюдении обычаев, и примирить местные народы с новой властью в Туркестанском генерал-губернаторстве российская администрация решила сохранить народные суды: суд казиев в оседлых районах, суд биев – в кочевых. И тот и другой судили на основе шариата или адата. Бии и казии избирались местным населением из своей среды и утверждались российской властью. Колониальная администрация установила контроль за их деятельностью. Решения трех инстанций народных судов считались окончательными и не могли быть отменены туркестанским начальством. Исключение составляли только брачные дела; согласно статьям 203 и 235 Временного положения об управлении Сырдарьинской и Семиреченской областями 1867 г. недовольная сторона имела право обжаловать решения народного суда в российской администрации. Женщине предоставлялась возможность выбрать

между принятыми в народе обычаями и обращением к российской власти для защиты своих интересов (Брусина, 2012: 151-166). Введение этих статей объяснялось тем, что, по мнению законодателей, казахская женщина находилась в бесправном положении, а потому вполне «естественно стремление уездной администрации помочь женщине избавиться от навязанного ей с пеленок мужа» (Степные обычаи и законы, 2011: 177).

Казахские женщины пользовались появившимися возможностями, обращаясь к российской администрации с жалобами. Н.М. Изразцов писал о том, что в конце 1870 – начале 1880-х гг. в Копальском уезде «жалобы женщин на истязания и на бессилие мужей суд биев почти не принимает к своему разбирательству, предоставляя принести эти жалобы лично к уездному начальнику, который, если только убедится в справедливости жалобы, освобождает женщину не от одного мужа, а и от всей его родни, т.е. предоставляет ей полную свободу в выборе нового мужа» (Степные обычаи и законы, 2011: 190). Народные судьи, боясь вызвать нарекания со стороны администрации, предпочитали просто отказываться от принятия решений, чем и способствовали постепенному изменению обычая.

Наиболее частыми были жалобы женщин по вопросам развода. Согласно шариата мужчина имел приоритетное право на развод. Достаточно было мужчине трижды произнести слово «талак» (в переводе на русский язык – развод), или «талак койдым» («я дал развод»), как брак считался расторгнутым (Гродеков, 1889: 89). Но нередко инициаторами развода выступали женщины, о чем говорят наиболее часто упоминаемые причины развода: мужья и их родственники издеваются над женами; мужья не содержат жен, эксплуатируют как рабынь; неспособность мужа исполнять супружеский долг; неспособность жены родить детей. Нередкими были случаи, когда старшие жены (байбише) избивали младших жен (токал), и это, в свою очередь, также служило причиной для развода (ЦГА РК. Ф. 685. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–2). Брак считался расторгнутым, если жена покидала дом мужа и возвращалась к родителям, или к тому, кто ее выдал замуж (Гродеков, 1889: 89).

5. Заключение

Таким образом, в работах русских исследователей и чиновников XIX – начала XX вв., чья научная или профессиональная деятельность была связана с изучением Казахского края, нашла освещение проблема правового положения казахской женщины в обществе и семье. В работах первой половины XIX в. неполнота сведений о положении женщины-казашки компенсируется описанием специфических социальных институтов и норм женского права в их классическом виде. Труды авторов второй половины XIX – начала XX вв. ценны не только своей содержательностью и систематизацией сведений о правовом статусе казахской женщины, но и тем, что в них отражена трансформация правовых институтов вследствие реформирования казахского общества. Практически все авторы объясняли положение женщины нормами и обычаями, и мусульманского права. В какой мере каждое из них влияло на статус женщины, зависело от уровня проникновения ислама в быт отдельной семьи и общества в целом. Так как нормы адата формировались еще с древности, на них оказали влияние особенности хозяйства, трудности кочевого образа жизни. По адату женщина выступала полноправным членом общества, как в семейно-бытовых, так и в общественно-социальных отношениях. Жесткие требования шариата в отношении прав и свобод женщины в семье и обществе, привнесенные в традиционное общество казахов в эпоху Средневековья, не всегда соответствовали реалиям кочевой жизни, а потому их соблюдение не было обязательным. Этим объясняется относительно свободное положение женщины-казашки. В оценке русских исследователей такие специфичные институты казахского кочевого общества, как многоженство, калым, аменгерство своими корнями уходят еще в доисламскую эпоху и обусловлены они были особенностями кочевничества, сложностями хозяйствования. Брак между молодыми рассматривался как экономическая акция, необходимая для производства потомства и успешного ведения хозяйства.

Литература

Аргынбаев, 1978 – Аргынбаев Х.А. О некоторых пережиточных формах брака у казахов // *Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана*. М., 1978. С. 94-105.

Бижигитова, 2017 – Бижигитова К.С. Изменение роли женщин в казахской степи в колониальный период на основе архивных источников (40-е годы XIX– начало XX вв.) // *Вестник КазНПУ*, 2017. № 2 (53). С. 173-178.

Броневский, 1830 – Броневский С.Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды // *Отечественные записки*, 1830. Ч. 43. №134.

Брусина, 2012 – Брусина О. Брак и развод в народных судах Туркестана: взаимодействие адата и шариата при российском управлении // *Этнографическое обозрение*. 2012. №1. С. 151-166.

Гейнс, 1897 – Гейнс А.К. Собрание литературных трудов А. К. Гейнса. Т. 1. Санкт-Петербург: типография М.М.Стасюлевича, 1897. 597 с.

Гродеков, 1889 – Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Том. 1. Юридический быт. Ташкент: Типо-Литография С.И. Лахтина, 1889. 298 с.

- Женщина в кочевом быту, 1889** – Женщина в кочевом быту // *Туркестанские ведомости*. 1889. № 33, 34.
- Левшин, 1832** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч.3. СПб, 1832.
- Лукашова, 1999** – *Лукашова Н.М.* В.П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь // *Вестник Евразии*, 1999. № 1/2. С. 36-57.
- Маллицкий, 2011** – *Маллицкий Н.Г.* Казахи // *История Казахстана в документах и материалах: Альманах*. Выпуск 1. Алматы: «Издательство LEM», 2011. 436 с.
- Мальшев, 1902** – *Мальшев Н.* Обычное семейное право киргиз. Ярославль, 1902.
- Мамышев, 1809** – *Мамышев Р.Н.* Пристрастие сибиряков к конским скачкам // *Вестник Европы*, 1809. №7. С. 168–170.
- Материалы по киргизскому землепользованию, 1915** – Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Таласа Черняевского и Аулие-Атинского уезда Сырдарьинской области. Ташкент, 1915.
- Михайлов, 1881** – *Михайлов М.* На суде казиев // *Туркестанские ведомости*, 1881. № 19. С. 73–74.
- Мирописев, 1901** – *Мирописев М.А.* О положении русских инородцев. С-Петербург: Синодальная Типография, 1901. 515 с.
- Мустафина, 1992** – *Мустафина Р.М.* Представления, культы, обряды у казахов. Алма-Ата: Казак университет, 1992. 176 с.
- Спасский, 1818** – *Спасский Г.И.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // *Сибирский вестник*, СПб., 1818. Ч. X.
- Степные обычаи и законы, 2011** – Степные обычаи и законы. Записки и письма капитана Н.М. Изразцова о народных обычаях казахов Семиреченской области. 15 июня 1879 – 5 февраля 1881 г. // *История Казахстана в документах и материалах: Альманах*. Выпуск 1. Алматы: «Издательство LEM», 2011. С. 161-266.
- ЦГА РК** – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
- Alpyspaeva et al., 2019** – *Alpyspaeva G.A., Zhuman G., Bagdatova S.A., Sayahimova Sh.N.* (2019). Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIXth – early XXth centuries). *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2. Pp. 655-667.
- De Maegd-Soep, 1978** – *De Maegd-Soep C.* The Emancipation of Women in Russian Literature and Society. A Contribution to the Knowledge of Russian Society during the 1960s. Gent State University, 1978, 402 p.
- Stites, 1978** – *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930. Princeton, New Jersey, 1978. 464 p.

References

- Alpyspaeva et al., 2019** – *Alpyspaeva, G.A., Zhuman G., Bagdatova S.A., Sayahimova Sh.N.* (2019). Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIXth – early XXth centuries). *Bylye Gody*. Vol. 52. Is. 2, pp. 655-667.
- Argynbaev, 1978** – *Argynbaev Kh.A.* (1978). O nekotorykh perezhitochnykh formakh braka u kazakhov [About some discrimination forms of marriage among Kazakhs]. *Sem'ya i semeinye obryady u narodov Srednei Azii i Kazakhstana*. Moscow, pp. 94-105. [in Russian]
- Bizhigitova, 2017** – *Bizhigitova K.S.* (2017). Izmenenie roli zhenshchin v kazakhskoi stepi v kolonial'nyi period na osnove arkhivnykh istochnikov (40-e gody XIX– nachalo XX vv.) [The change in the role of women in the kazakh steppe in the colonial period on the base of archival sources (40-ies of the XIX – XX century)]. *Abay Kazakh National Pedagogical University Bulletin. Series «Historical and socio-political sciences»*. № 2(53), pp. 173-178. [in Russian]
- Bronevskii, 1830** – *Bronevskii S.B.* (1830). Zapiski general-maiora Bronevskogo o kirgiz-kaisakakh Srednei Ordy [The commentaries of Major General Bronevsky on the Kyrgyz-Kaisaks of the Middle Orda]. *Otechestvennyye zapiski*. Ch. 43, № 134. [in Russian]
- Brusina, 2012** – *Brusina O.* (2012). Brak i razvod v narodnykh sudakh Turkestana: vzaimodeistvie adata i shariata pri rossiiskom upravlenii [Marriage and divorce in the people's courts of Turkestan: the interaction of Adat and Sharia law under Russian administration]. *Etnograficheskoe obozrenie*. №1, Pp. 151-166. [in Russian]
- De Maegd-Soep, 1978** – *De Maegd-Soep C.* (1978). The Emancipation of Women in Russian Literature and Society. A Contribution to the Knowledge of Russian Society during the 1960s. Gent State University, 402 p.
- Geins, 1897** – *Geins A.K.* (1897). Sobranie literaturnykh trudov A. K. Geinsa. [Collection of literary works of A.K. Gaines]. T. 1. Sankt-Peterburg: tipografiya M.M. Stasyulevicha. T. 1. 597 p. [in Russian]
- Grodekov, 1889** – *Grodekov N.I.* (1889). Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoi oblasti. [Kirghiz and Karakirgiz of the Syr-Darya region]. Tom. 1. Yuridicheskii byt. Tashkent: Tipo-Litografiya S.I. Lakhtina, 298 p. [in Russian]
- Zhenshchina v kochevom bytu, 1889** – Zhenshchina v kochevom bytu [Woman in a nomadic life]. *Turkestanskije vedomosti*. 1889, № 33, 34. [in Russian]

- Levshin, 1832** – *Levshin A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kajsaczkix ili kirgiz-kazach`ix ord i stepej [Description of the Kirghiz-Kaysak or Kirghiz-Cossack hordes and steppes]. Part. 3. SPb. [in Russian]
- Lukashova, 1999** – *Lukashova N.M.* (1999). V.P. Nalivkin: eshche odna zamechatel'naya zhizn' [V.P. Nalivkin: another wonderful life]. *Vestnik Evrazii*. № 1/2, pp. 36-57. [in Russian]
- Mallitskii, 2011** – *Mallitskii N.G.* (2011). Kazakhi [Kazakh people]. *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh*. Vypusk 1. Almaty: Izdatel'stvo LEM, 436 p. [in Russian]
- Malyshev, 1902** – *Malyshev N.* (1902). Obychnoe semeinoe pravo kirgiz [Common Kirgiz family law]. Yaroslavl'. [in Russian]
- Mamyshev, 1809** – *Mamyshev R.N.* (1809). Pristrastie sibiryakov k konskim skachkam [Passion of Siberian people for horse races]. *Vestnik Evropy*. №7, Pp. 168-170. [in Russian]
- Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, 1915** – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu raiona reki Chu i nizov'ev reki Talasa Chernyaevskogo i Aulie-Atinskogo uezda Syrdar'inskoi oblasti [Materials on Kyrgyz land use of Chu River region and the lower reaches of the Talas River of Chernyaev and Aulie-Ata district of Syrdarya region]. Tashkent, 1915.
- Mikhailov, 1881** – *Mikhailov M.* (1881). Na sude kaziev [At the court of kadis] // *Turkestanskije vedomosti*. № 19, pp. 73-74. [in Russian]
- Miropiev, 1901** – *Miropiev M.A.* (1901). O polozhenii russkikh inorodtsev [On the situation of Russian foreigners]. S-Peterburg: Sinodal'naya Tipografiya, , 515 p. [in Russian]
- Mustafina, 1992** – *Mustafina R.M.* (1992). Predstavleniya, kul'ty, obryady u kazakhov (v kontekste bytovogo islama v Yuzhnom Kazakhstane v kontse XIX – XX vv.) [Representations, cults, ceremonies among the Kazakhs (in the context of everyday Islam in South Kazakhstan at the end of the XIX – XX centuries)]. Alma-Ata: Kazak universitet, 176 p. [in Russian]
- Spassky, 1818** – *Spassky G.I.* (1818). Kirgiz-kajsaki Bol`shoj, Srednej i Maloj Ordy` [Kirghiz Kaisaks of the Great, Medium and Small Hordes]. *Sibirskij vestnik*. SPb., Ch. X. [in Russian]
- Stepnye obychai i zakony, 2011** – Stepnye obychai i zakony. Zapiski i pis'ma kapitana N. M. Izraztsova o narodnykh obychayakh kazakhov Semirechenskoi oblasti. 15 iyunya 1879 – 5 fevralya 1881 g. [Steppe customs and laws. Notes and letters of captain N. M. Izraztsov on the folk customs of the Kazakhs of the Semirechensk region. June 15, 1879 – February 5, 1881]. *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh*. Vypusk 1. Almaty: Izdatel'stvo LEM, 2011, pp. 161-266. [in Russian]
- Stites, 1978** – *Stites R.* (1978). The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930. Princeton, New Jersey, 464 p.
- TsGA RK** – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arhiv Respubliki Kazahstan [Central State archive of the Republik of Kazakhstan].

Правовое положение казахской женщины в семье и обществе в XIX – начале XX вв. глазами русских современников

Галья Айтпаевна Алпыспаева^{a,*}, Жуман Гульмира^a, Ляззат Торебековна Джумалиева^a, Шолпан Тулешевна Абдыкаримова^a

^a Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового положения казахской женщины в семье и обществе в XIX – начале XX вв. в оценке русских исследователей, чья научная или профессиональная деятельность связана была с изучением казахского края. Методом сравнительного анализа источников характеризуются взгляды авторов на «женский вопрос» в традиционном казахском обществе. В работах авторов первой половины XIX в. (Г.И. Спасский, А.И. Левшин, С.Б. Броневский, Н.Р. Мамышев) данные о правовом статусе казахской женщины носят эпизодический и, в большей мере, описательный характер. Но благодаря собранным исследователями материалам из них можно почерпнуть сведения о правовом положении женщины в условиях сохранения традиционного казахского общества, когда специфические социальные институты и нормы права существовали в их классическом виде. В отличие от них работы второй половины XIX – начала XX вв. (А.К. Гейнс, Н.Г. Маллицкий, Н.И. Гродеков, Н.М. Израсцов и др.) содержат более систематизированные сведения и отражают изменения в правовом статусе женщины вследствие реформирования казахского общества. В трудах русских исследователей предприняты попытки объяснить сущность и происхождение таких специфических институтов казахского общества как аменгерство, калым, многоженство, которые непосредственным образом влияли на положение женщины-казашки. Не всегда правильно оцененные русскими современниками особенности

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galpyspaeva@mail.ru (Г.А. Алпыспаева)

статусного положения казахских женщин можно объяснить издержками «европейского» взгляда на кочевое общество казахов. Многие социальные институты казахов сформировались еще в доисламскую эпоху и обусловлены были экономическими причинами, сложностями хозяйствования и особенностями кочевого способа производства. Теоретические обоснования авторов о влиянии адата и шариата на положение казахской женщины в семье и обществе вполне объективны, подтверждены материалами полевых исследований и примерами из чиновничьей практики. В трактовке авторов относительно свободное положение казахской женщины в сравнении со среднеазиатской обусловлено было нормами адата, защищавшего женщину, а также возрастающим русским влиянием со второй половине XIX в. Это выражалось в постепенном отходе от требований шариата в вопросах семьи и брака.

Ключевые слова: кочевое общество, казахи, женщины, социальные институты общества, семейно-бытовые отношения, русские исследователи.